

У господина Пьера-Симеона Трюшо, торговца сукном, ситцем и шелками, проживающего в Париже на улице Сен-Доминик (ранее называвшейся Коровьей дорогой), имелось немало оснований для упреков в адрес своей старшей дочери. Во-первых, ее появление на белый свет стоило жизни ее матери, поскольку та скончалась всего лишь через несколько дней после родов. Во-вторых, она была девочкой, а ведь он очень надеялся, что его первенец будет мальчиком — крепеньким мальчуганом, который станет для него сначала помощником, а затем и преемником в его коммерческой деятельности, которая в 1698 году — году рождения этого ребенка — была весьма успешной. Однако новорожденная, как назло, оказалась хилой и абсолютно не такой, какой ее хотелось бы видеть. Более того, она навсегда лишила своего отца общества госпожи Флавии — его первой жены, которую он страстно любил.

Чтобы малышка не умерла от голода, пришлось нанять ей кормилицу, на которую возложили также обязанности служанки. Двумя годами позднее, в самом начале нового столетия, Пьер-Симеон Трюшо снова женился. Если его первая супруга оказалась неспособной родить ребенка, сохранив при этом собственную жизнь, то вторая проявила такую плодовитость, что, после того как она за два года брака родила двоих детей, Пьер-Симеон решил впредь отказывать себе в плотских удовольствиях. Однако его жена, которая была еще молодой и пылкой, заявила, что Бог вряд ли одобрит его отказ исполнять

супружеский долг. Поэтому у них затем родилось еще двое горластых детей, в результате чего потребовалось нанять двух новых служанок и в целом немало потратиться на то и на се.

Все эти малыши ели, пили, росли и набирались сил. Все они отличались крепким здоровьем и громкими голосами, которые, когда ребяташки собирались вместе, запросто заглушали голоса уличных торговцев, ржание лошадей и стук молотков, которыми поблизости на улице били по камню строители, возводившие новые жилые дома и склады.

«Шкурки, шкурки, кроличьи шкурки!» — орал торговец кроличьими шкурками. «Смерть крысам и мышам! Новое средство, которое позволит раз и навсегда покончить с крысами и мышами!» — драл глотку коробейник. «А вот вода! Кому вода? Умойте лица, господа!» — кричал торговец чистой водой. «Цок-цок-цок, цок-цок-цок!» — отбивали по мостовой лошадиные копыта. «Бах-бах-бах!» — отзывались молотки каменщиков. Ко всему этому многообразию звуков, заглушая его, то и дело добавлялся оглушительный рев маленьких Трюшо. Сюзанна (или Сюзи) — старшая из них — подавала голос отнюдь не последней. Она, будучи непослушной и дерзкой, не очень-то прислушивалась к увещаниям мачехи и отца, у которых, кроме того, имелись дела поважнее, чем воспитание этой своенравной девочки.

Сюзанна, которую все называли Сюзон, вела себя так, как будто она была мальчиком: прыгала в ручьи и лазала по деревьям там, где когда-то была дорога к ветряным мельницам, а теперь все заросло травой и превратилось в большой пустырь, за которым виднелся вдалеке пригород Сен-Жермен. Она постоянно вовлекала то в шумные драки, то в бесконечные прогулки детей торговли облатками¹, живших в квартале Гро-Кайу, и маленьких нищих сирот с окрестных улиц. Девоч-

¹ Облатка — тонкий листок выпеченного пресного теста. (Здесь и далее примеч. пер.)

ки ее сторонились, потому что ее насмешки и дерзкое поведение вызывали у них страх.

Среди нищей малышни был один мальчик того же возраста и такого же телосложения, как и она. Этот мальчик упорно боролся с ней за право верховодить среди уличной детворы. Шевелюра у него была очень густой, улыбка — ехидной и абсолютно все зубы — гнилыми. А еще он был одноглазым. Звали его Рантий, и никто во всей округе, даже он сам, не имел ни малейшего представления о том, кто же мог произвести его на свет. Он жил за счет воровства и тех монеток, которые бросали ему верующие на площади перед церковью Сен-Сюльпис, куда он приходил просить милостыню во время богослужений.

Рантий вовсе не собирался мириться с тем, что с ним соперничает какая-то девочка. Он знал, каким образом можно ее разозлить, высмеивая ее принадлежность к слабому полу (удел которого, по его мнению, — быть именно *слабым*), дразняя ее, делая ей всякие пакости и даже затевая с ней драки в тех случаях, когда ей удавалось привлекать к своим играм и злым проделкам наибольшее число участников. Рантий этот тоже был заводилой и проказником: он мог подбить других детей украсть сливы из корзины торговки, или уколоть чем-нибудь острым лошадь сзади так, чтобы она, перепугавшись, бросилась с места в галоп, или забросать градом камней судно, плывущее по Сене. На берег Сены они наведывались главным образом для того, чтобы посмотреть на проплывающие корабли, покричать что-нибудь лодочникам, зло подшутить над прачками, а еще чтобы ловить рыбу. Они представляли собой своего рода стаю диких птиц, которая, громко вереща, пугала всех, кто плыл по реке.

Как-то раз Рантий попытался взять над Сюзанной верх: он закрутил ей руку за спину и стал давить на нее, пытаясь заставить девочку встать на колени. Она отчаянно сопротивлялась, сжимая зубы (чтобы ни в коем случае не попросить пощады), изгибаясь, вырываясь и брыкаясь. Видя, что соперник

скоро заставит ее потерять равновесие и тем самым унизит ее, она широко раскрыла рот и впиалась зубами в руку своего мучителя. Она укусила его так сильно, что он, вскрикнув от боли, отпустил ее. Из раны потекла кровь. Кожа была прокушена насквозь, и Сюзи подумалось, что на руке Рантия теперь навсегда останутся следы ее зубов. Этот мерзавец никогда не забудет, как Сюзанна Трюшо поступает с теми, кто пытается ее унижить!

Вот так жила и росла Сюзанна Трюшо в славном городе Париже — росла дикой и свободной и быстро выросла. Она все свое детство старалась поменьше находиться в доме отца, в котором она считалась только с Мартиной — женщиной, вскормившей ее грудью. Когда на белый свет родился первый мальчуган от второго брака Пьера-Симеона Трюшо, отношения в семье ухудшились, поскольку Сюзи отнюдь не лишала себя удовольствия во всеуслышание заявлять, каким он ей кажется уродливым (то есть очень похожим на свою мать), а также удовольствия немного поиздеваться над ним, когда ей представлялась такая возможность. К младенцам, родившимся позднее, Сюзи относилась еще хуже, да и вообще, ее поведение стало просто невыносимым.

Поэтому мачеха потребовала, чтобы Сюзанна исчезла из ее поля зрения и из ее жизни.

В начале 1706 года по настоянию второй супруги господина Трюшо было решено, что Сюзанна отправится получать образование в монастырь урсулинок¹ в Сен-Дени².

Госпожа Трюшо больше не могла выносить дерзости этой нахалки, которая то и дело выводила ее из себя и отказывалась проявлять по отношению к ней не только чувство привязанности, но и хоть какое-то уважение. Супруга господина Трюшо убедила своего мужа в том, что такое поведение недопустимо

¹ Урсулинки — католическая женская монашеская конгрегация.

² Сен-Дени — населенный пункт неподалеку от Парижа.

для любой девочки, а уж тем более для дочери купца, занимающего видное положение, надеющегося нажить большое состояние на торговле сукном, ситцем и шелками и стать советником купеческого старшины, которым в это время был премногоуважаемый господин Шарль Буше д'Орсе.

Отец вызвал дочь к себе в лавку, в которой грудями лежали рулоны бумазеи, дрогета, тика, ситца, газа, руанского ситца и саржи — в общем, все виды тканей и нитей, которыми он несколько раз пытался заинтересовать Сюзанну, но к которым она неизменно проявляла не больше любопытства, чем к прошлогоднему снегу.

Сюзи переминалась с ноги на ногу, искоса поглядывая на своего родителя, от которого, как она вполне обоснованно догадывалась, сейчас ей не стоило ждать ничего хорошего.

— А не скажете ли вы мне, мадемуазель, какая вам польза от того, что вы целыми днями ротозейничаете, болтаетесь по улицам вместе с нищими и считаете мух? Вы знаете алфавит? Интересно, смогли бы вы мне ответить, сколько будет два плюс один?

Сюзи посмотрела своему отцу прямо в глаза и с вызывающим видом сказала:

— Я могу ответить, что один плюс одна получилось уже шесть и что я в это число не вхожу.

Она пристально смотрела на него — на мужчину, у которого отвислые щеки касались воротника, зрачки были расширены, а борода уже седела. Мужчину, который, передвигаясь среди высоких груд рулонов продаваемой им материи, сопел, как вьючное животное. Она пыталась мысленно убедить себя в том, что она, Сюзи, пошла внешностью не в отца, а в мать, которая, наверное, была прекрасной во всех отношениях женщиной и которая, возможно, передала эти свои качества по наследству дочери.

В свои восемь лет Сюзи уже осознавала, что она красива. Она осознавала это не потому, что имела возможность